

КАРИ ХОТАКАЙНЕН

НЕИЗВЕСТНЫЙ

КИМИ

РАЙККОНЕН

Биографии выдающихся людей

Кари Хотакайнен

Неизвестный Кими Райкконен

«Издательство АСТ»

2018

УДК 796.712:929
ББК 75.721.5

Хотакайнен К.

Неизвестный Кими Райкконен / К. Хотакайнен — «Издательство АСТ», 2018 — (Биографии выдающихся людей)

ISBN 978-5-17-119282-2

В этой авторизованной биографии Кими Райкконена раскрывается та сторона человека, которую мало кто знает, кроме его семьи и друзей. Загадочный, но всегда честный, чемпион мира Формулы-1 редко открывается посторонним, но Кари Хотакайнену он предоставил эксклюзивный доступ не только к своему миру, но и к своим сокровенным мыслям. Книга включает эксклюзивные фотографии из собственной коллекции Кими Райкконена и подробную статистику всех его гонок.

УДК 796.712:929
ББК 75.721.5

ISBN 978-5-17-119282-2

© Хотакайнен К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
В машине должно быть тихо	7
Ни одного метра	13
Две секунды – это вечность	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кари Хотакainen Неизвестный Кими Райкконен

Kari Hotakainen
Tuntematon Kimi Räikkönen

© Kari Hotakainen, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Спасибо Сами Висе

Не нужно рассказывать мне факты. Лучшие расскажите, что они означают.

Бывший Государственный секретарь США Генри Киссинджер

Даже плохие воспоминания могут стать хорошими.
Пилот Формулы-1 Кими Райкконен

Предисловие

В мире есть множество не очень популярных видов спорта, которые даже каким-то образом попали в олимпийскую программу. Во время зимних Олимпийских игр по телевизору передают подробную картинку с комментариями эксперта о том, как кто-то, лежа в сани, на невероятной скорости спускается по ледяному желобу. Лично я не знаю никого, кто занимался бы санным спортом в свободное время – скорее всего, потому что слишком мало стран, где есть условия и средства для строительства подобных трасс на склонах гор. Во всем мире насчитывается всего 16¹ таких трасс, и после Олимпиад они все становятся мемориальными музеями.

Прыжки с трамплина – важный спорт для финнов, но сколько людей занимаются им? Пожалуй, лишь малая толика тех, кто следит за соревнованиями по телевизору. В теории, конечно, можно начать заниматься этим спортом в свободное время. Но и полный профан совершенно свободно высказывает свое экспертное мнение о том, что пошло не так в момент прыжка спортсмена с трамплина.

И уж конечно никто в мире не гоняет на Формуле-1² в качестве хобби. Никто не может сказать, что пойдет «погонять» вечером после работы. И все же в каждом баре и на любой заправке найдется авторитетный эксперт, который расскажет вам о том, что трасса «Сепанг» просто не подходит тому или иному гонщику.

Мы сами ни разу не летали с трамплина на лыжах и не носились на скорости 380 км/ч по закрытой трассе, но эти факты не мешают нам быть экспертами. Наш дилетантский взгляд со стороны делает нас непогрешимыми.

Эта книга написана как взгляд со стороны. Других взглядов, наверное, и не может быть. Это не биография, и она не может быть ею, потому что главный герой только на середине своего жизненного пути. Это история гонщика, который мог бы стать автомехаником. Но не стал, а обрел вместо этого мировую славу. Быстро и не без удачи, благодаря стараниям матери, отца и его собственным. Он просто хотел гонять так быстро, как только возможно. Большинство таких людей остаются неизвестными для публики. Он тоже хотел бы остаться неизвестным. Но теперь уже слишком поздно.

¹ В английском издании указано правильное количество – 17 трасс. – *Прим. ред.*

² Формула-1 – самый престижный класс гоночных автомобилей с открытыми колесами. Существует ряд младших (более простых по техническим требованиям и менее затратных с финансовой точки зрения) классов автомобилей с открытыми колесами: Формула-3, Формула-Е (автомобили с электроприводом), Формула Рено (поддерживается автопроизводителем «Рено») и т. д. – *Прим. ред.*

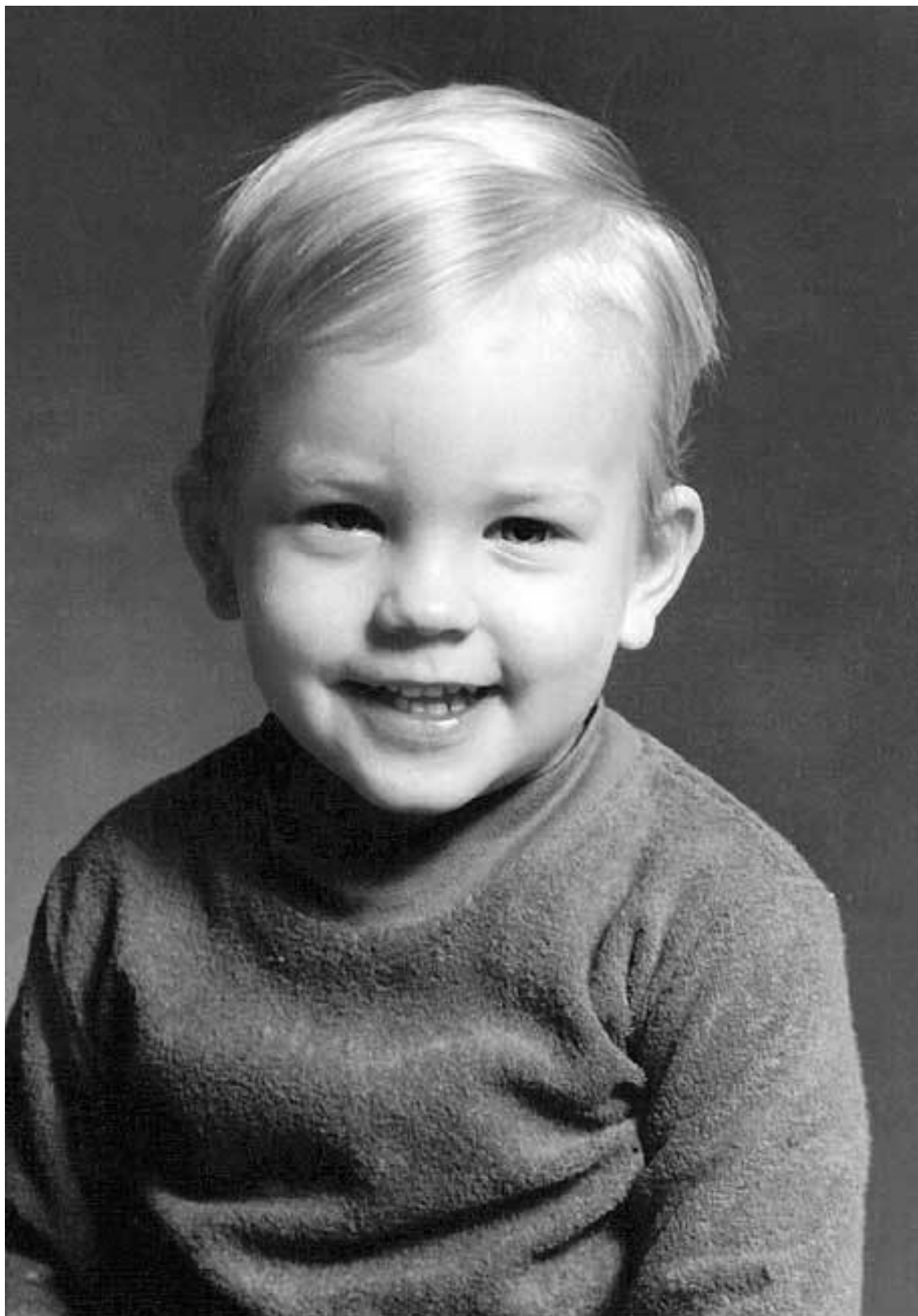
В машине должно быть тихо

1981 год, Кархусуо, Эспоо. Ночь. Малыш никак не может успокоиться и заснуть. Мать пытается убаюкать ребенка, берет его на руки – ему это всегда нравится. Он сильно отличается от своего брата, который на два года старше его. Старший спит глубоким сном в той же комнате и не реагирует на беспокойного младшего, которому насыщенный событиями день никак не дает успокоиться ночью.

Утром по пути на работу уставшая мать думает о том, что уже давно беспокоит ее и мужа: мальчик до сих пор не говорит. Ни единого слова, а ведь ему скоро три года.

Родители показывают сына врачу, но он ничего не находит. Малыш быстро выполняет все тестовые задания, на самом деле, даже быстрее других детей своего возраста. Он просто не говорит. Наверное, начнет позже.

Наконец речь приходит, и, освободившись от материнских объятий, мальчик развивается очень быстро. Действия опережают слова во много раз. Ноги работают быстрее языка. Светловолосый малыш вырывается на свободу.

Тридцать шесть лет спустя его имя сократилось вдвое – сейчас он просто Кими. Кими-Матиас исчез в дорожной пыли, и никто больше не помнит его официального имени. Вряд ли даже оно многим известно, ну разве что паре человек из тех десятков фанатов, что собрались в холле отеля «Сама-Сама» в Куала-Лумпуре одним пятничным утром ровно в 9:10. По крайней мере, они в курсе, что скоро их кумир выйдет из лифта. И, как обычно, не проронит ни слова.

Фанаты приехали из Малайзии, Японии и Китая. Между собой они общаются на «формульном» английском. Свой небольшой словарный запас компенсируют сильными интонациями. Визги и вскрики не знают языковых барьеров. Они порхают от одного лифта к другому, и их одновременный звонкий галдеж звучит так, будто бы экзотические птицы прилетели поклевать редкое лакомство: малоразговорчивого гонщика.

Фанаты со значением поглядывают на знакомого им Сами Вису, менеджера Кими, который выходит из второго лифта. На спине у него рюкзак «Феррари» с номером 007. Но эта отсылка к Джеймсу Бонду не обманывает фанатов; семь – это гоночный номер Кими. И они точно знают, что означает появление Висы в холле – Кими скоро спустится вниз и мы увидим его первыми.

И вот мужчина в красном выходит из дверей четвертого лифта.

На Кими футболка с воротником, покрытая логотипами спонсоров, шорты, кепка и черные очки. Вслед за ним, также в красном, появляется Марк Арналл, его физиотерапевт. Он сопровождает Кими последние шестнадцать лет, внимательно следя за тем, чтобы гонщик ни в чем не нуждался. И только лишь тишину и уединение даже Марк не может обеспечить.

Кими замечает фанатов и останавливается. Он знает, через что ему придется пройти, чтобы попасть в стоящую на улице «Мазерати». Пара минут, сорок метров, и всё будет позади.

Сами Виса пытается удержать галдящих фанатов на расстоянии. Они протягивают кепки и футболки для автографа. Прикоснуться к Кими запрещено. Кими подписывается: «KR» или что-то вроде того. Затем снова. Есть еще? Хорошо, давайте еще одну. Он быстро ставит свои инициалы. Его лицо не выражает никаких эмоций. Только в один момент его губы слегка дергаются в улыбке – беззвучный подарок верным поклонникам, которые прилетели издалека ради него.

Фанаты визжат от радости. Они получили хоть что-то, а это лучше, чем ничего. Двери отеля открываются. Кими быстро идет к «Мазерати» и садится за руль. Сиденье максимально опущено, спинка откинута до упора – так он сидит во всех машинах. Это уже стало профессиональной привычкой, ведь гонщик в болиде находится практически в горизонтальном положении.

Марк Арналл садится рядом с водителем и дает Кими бутылку с тщательно подобранным по составу напитком. На улице влажно, жара тридцать четыре градуса. Кондиционер работает на полную мощность. Машина срывается с места. Как только мы выезжаем с территории отеля на шоссе, Кими сразу разгоняется быстрее 100 км/ч.левой рукой он трясет бутылку серого и вязкого коктейля. Правая рука держит руль, средний палец переключает передачи: машина движется рывками. Я успеваю заметить ограничение скорости: 70 км/ч. Когда ограничение увеличивается до ста, Кими разгоняется до ста сорока. Оглядываюсь на Сами Вису. Он всем своим видом показывает: ничего не говори, он так всегда водит.

От отеля до трассы «Сепанг» около десяти километров. Себастьян Феттель, товарищ по команде, и его физиотерапевт Антти Контсас выехали раньше нас, но на трассу мы приезжаем одновременно.

Кроме приветствия Кими по дороге не проронил ни слова, и это несмотря на присутствие в машине ближайших коллег, Марка и Сами. Я вспоминаю, о чем Сами рассказывал мне ранее. Кими становится гонщиком, сразу поднявшись утром с постели. Он погружается в свой собственный мир, куда посторонним вход заказан. То, что со стороны кажется отрешенностью, на самом деле сосредоточенность.

Мы выходим из машины. Виса напоминает, что перед уходом в командные боксы нужно пообщаться с фанатами – их пара сотен, стоящих за ограждением. Они протягивают кепки, открытки, футболки, свои руки. Кими быстро черкает везде свои «KR», позирует для камеры смартфона, болтающегося на селфи-палке и вообще делает всё, чтобы потом не понадобилось делать что-либо еще.

Для фанатов эта встреча многое значит. Им пришлось раскошелиться, чтобы попасть сюда и посмотреть на машины, проносящиеся мимо, и на гонщиков, которых вряд ли когда-либо еще увидят так близко. Они хотят многого, но им достается лишь малая часть. Они жаждут фактов, которые со временем станут историей. Версии все время меняются: из командных боксов выходит больше слухов, чем выхлопных газов. Гонщики, как космонавты в огромных шлемах, мелькают на экранах телевизоров, которые транслируют сухую статистику. Затем они в двух словах повторяют, что произошло на трассе. Но фанатам нужно больше – часть самого гонщика. Они хотят увидеть его вживую, возможно даже прикоснуться к нему, посмотреть в его глаза. Те глаза, что спрятаны за темными очками. В эти холодные голубые глаза, которые они обычно видят только на фотографиях. В глаза, которые постоянно сканируют трассу для маневра, возможности обгона или для того, чтобы скрыться.

Сложно сказать, что же они в итоге получают от Кими, который за восемнадцатилетнюю карьеру дал столько же интервью, сколько Льюис Хэмилтон, четырехкратный³ чемпион мира и звезда соцсетей, дает за неделю.

Через десять минут все заканчивается, и Кими направляется в боксы команды. Он передвигается практически бегом. Легко и проворно, словно заяц, проскакивает пит-лейн⁴ и ускользает в глубинах гаража «Феррари». И вот он исчез. Неведомы пути этого человека, хотя он на глазах у всех гоняет по закрытой и прихотливо изогнутой трассе.

Его комната в боксах «Феррари» аскетична – построенная из панелей ДСП каморка площадью примерно в двенадцать квадратных метров, где каждый сантиметр используется максимально эффективно. Узкая кровать для массажа. Стол, на котором Марк Арналл уже подготовил три шлема, пару гоночных перчаток и ботинок, полотенца и несколько бутылок специально приготовленного напитка. В углу комнаты небольшая синяя ванна из пластика, заполненная ледяной водой. В ней гонщик проводит немного времени до и после гонки. Температуру его тела нужно тщательно регулировать, потому что солнце нагревает семисоткилограммовый болид до невероятных температур. Гламур далек от этого помещения и процветает лишь на страницах СМИ.

Мы идем к гостевой зоне «Феррари», расположившейся в так называемом паддоке – длинной аллее для посетителей и прессы. Там все команды уже выстроили свои миниатюрные миры. Доступ в паддок есть и у тех, кто заплатил примерно шесть тысяч евро за билет на весь гоночный уикенд. За эту цену им предлагают хорошую еду и еще кое-что, чего покупатель обычного билета не может и представить. Что же это? Взгляды гонщиков, на ходу брошенные в их сторону, столик в ресторане, расположенном над боксами, а еще чувство собственной значимости. На протяжении всей истории человечества люди переплачивали за это чувство несоизмеримо больше.

В гостевой зоне «Феррари» пахнет свежим базиликом, чесноком и только что испеченным белым хлебом с тонкой корочкой. «Феррари» привезла частичку Италии в Малайзию. Команда всегда делает так, чего бы ей это ни стоило. Все деликатесы на накрытых столах – блюда традиционной итальянской кухни, искусно приготовленные шеф-поваром и его помощниками. Директор по логистике «Феррари» Серджио Бонди говорит, что по возможности все доставляется прямо из Италии: паста, кофе, стулья, столы, даже мука для булочек. В каждой стране за пару дней до гонки шеф-повар ищет лучшие ингредиенты.

Китай, Абу-Даби, Австралия – неважно, какая страна – туда привезут Италию. В Европе «Феррари» для своих перевозок использует 30 огромных фур. Другие части света предполагают перелёты по 300 000 километров в год. После каждой гонки цирк весом 44 тонны разби-

³ По состоянию на начало 2019 года – пятикратный. – *Прим. ред.*

⁴ Пит-лейн (англ. *pit lane*) – часть гоночной трассы, на которой располагаются командные боксы. Предусмотрена для проведения остановок во время гонки. – *Прим. ред.*

рается и упаковывается в течение семи часов. Ежегодно выпивается по 77 000 чашек кофе. В этом году 170 сотрудников «Феррари» побывали на тестах новой машины в Барселоне. Всё это увеличивает годовой бюджет более чем на 400 миллионов евро. Если подумать рационально, то это просто безумие.

Все эти миллионы нужны лишь для того, чтобы дать двум парням возможность погонять полтора часа, бросая вызов смерти и не имея впереди конечной цели. Они возвращаются туда же, откуда стартовали, – взмокшие, покрасневшие, со взмыленными шеями, немногословные, но живые.

Я глубоко погружен в свои мысли, когда Сами трогает меня за плечо. Пора идти в боксы, чтобы понаблюдать за началом первой свободной практики⁵. Мы пробираемся в сердце этого лабиринта и видим две красные машины, стоящие рядом. Островок между ними заполнен компьютерами и мужчинами в красном и в наушниках. Мы стоим чуть в стороне с берушами в ушах.

Кими уже сидит в машине, видны лишь его шлем и правая рука, в которую Марк Арналл сует бутылку. В левой руке у Марка еще одна. Бутылок всегда должно быть две на случай, если одна потеряется или разольется. Обезвоженный гонщик – бесполезный гонщик.

Пора заводить машины. Мотор «Феррари» звучит так, будто визжит семисоткилограммовый кабан, которого режут, втыкая в бока по сотне ножей. Так ревет злой раненый зверь, рвущийся из недр гаража хоть в ад, но подальше от тирании людей в красном, на волю, на стартовую прямую закрытой трассы.

Этот рев расплавленной сталью проникает сквозь беруши прямо в мой мозг. Машина с визгом выезжает из боксов на трассу, где за пять секунд разгоняется до 200 км/ч. На то, чтобы проехать круг в 5,5 километров уходит меньше полутора минут. Машины пролетают мимо боксов как низколетающие, едва различимые снаряды. Лучше всего картину происходящего передает экран монитора, хотя все это происходит прямо под носом.

Позже я пожаловался Кими на этот ужасающий шум. Он сухо заметил, что, на его взгляд, современные машины производят не больше шума, чем газонокосилки, а вот машины прошлых лет издавали правильный звук.

Свободных практик обычно две, обе длятся полтора часа и предназначены для проверки настроек и тестирования разных типов шин. Всё направлено на подготовку к завтрашней квалификации. Во второй половине дня на трассе тихо, но работа не останавливается, это время для обсуждения технических вопросов. За ними следует то, чему Кими научился в три года, но от чего он испытывает неудобство, особенно с незнакомцами, – разговоры. Он стоит перед десятком микрофонов и потирает шею правой рукой. Его мать Паула знает, что означает это движение – мальчик раздражен. Нужно что-то сказать. Сформулировать несколько фраз, которые прозвучат понятно, но не будут значить ровным счетом ничего. Мир полон таких фраз, а в компостной яме достаточно для них места. Их оставляют гнить на просторах интернета, их копии на страницах газет выносят на помойку или заворачивают в них рыбу. Никто – ни редакторы, ни фанаты, ни сами гонщики – через пару недель и не вспомнят, где эти слова были сказаны. Было это в Малайзии, в Японии, в Китае, а может, в Остине, штат Техас? Они не вспомнят, потому что это одни и те же слова, те же повторяющиеся факты, вербально оформленные цифры с табло.

Вы стали пятым по итогам тренировки. Как это повлияет на завтрашнюю квалификацию?

Хм. Не знаю, что сказать.

Вы оказались на три сотых секунды быстрее напарника. Как так получилось, на ваш взгляд?

⁵ По текущим правилам первая тренировка гоночного уикенда (свободная практика или свободные заезды) на большинстве Гран-при проводится в пятницу. – *Прим. ред.*

Хм. Трудно сказать.

Как ведет себя машина перед завтрашней квалификацией?

Хм. Нормально. Завтра увидим.

Вы уверенно чувствуете себя перед завтрашним днем?

Хм. Ну да.

Вы ещё не отказались от борьбы за Кубок конструкторов⁶?

Хм. Нет еще.

Он смотрит вниз, вверх, мимо, куда угодно, только не на репортеров. Темные очки придумали для защиты от посторонних глаз, а не от солнца.

Интервью окончено, Кими сбегает обратно в боксы «Феррари». Там начинается собрание – команда анализирует технические детали событий прошедшего дня.

Наконец он появляется вновь и ловко прокладывает себе путь сквозь толпу. Если расслабиться, то его легко потерять из виду. Вечереет, когда мы выезжаем в сторону отеля. Кими превышает ограничение скорости и на шаривает свободной рукой бутылку с напитком.

В тишине машины стоит ровный гул, иногда прерываемый ревом мотора «Мазерати» при разгоне.

Невозможно заглянуть в голову Кими, но можно представить ход его мыслей. «Еще один день окончен. До дома в Швейцарии десять тысяч километров. Туда я попаду только через две недели. За спиной сидит новый тип, он пишет обо мне книгу. Скоро я смогу принять душ и лечь спать. Буду спать как можно дольше. Интересно, как там дела дома, всё ли в порядке? Научился ли Робин новым словам? Дает ли Рианна спать Минтту или дочка беспокойна? Больше всего хотелось бы быть там, но это невозможно. Машина на трассе была сегодня хороша, приятно ей управлять. Ничего нет лучше вождения. Когда вылезает из машины, сразу начинаются проблемы. Никто не пристает к тебе с вопросами, когда ты гоняешь по трассе».

Кими паркует «Мазерати» у отеля и быстро идет к дверям. Несколько настойчивых фанатов дежурят в холле. Уставший гонщик снимает очки. Его голубые глаза смотрят на поклонников, правая рука привычно выводит «KR» на кепке. Наконец двери лифта закрываются, и он скрывается из вида.

Позже ночью я захожу в интернет у себя в номере. На глаза попадает вчерашняя пресс-конференция по поводу предстоящего гоночного уикенда. Гонщиков спрашивали, какие воспоминания у них останутся о гонке в Малайзии, проходящей в последний раз. Гонщики отвечали покорно и подчеркнуто вежливо – в общем, скучно. Затем пришла очередь Кими. Впервые в жизни он выиграл тут Гран-при в 2003 году, и журналист спросил, по чему он будет скучать больше всего. После короткого молчания следуют слова, камнями падающие на плитку пола. Кими говорит, что, честно говоря, не знает, будет ли вообще скучать по чему-нибудь. Здесь хорошая трасса, но всё, что он успевает увидеть, это всё та же трасса, отель и аэропорт. Вот и выбирай, по чему из этого скучать.

Несколько журналистов реагируют смехом, другие в замешательстве молчат. В этом вся суть комедии: когда всё остальное уже не работает, попробуй сказать правду. Каждый гонщик и каждый журналист знает, что во время гоночного уикенда просто нет шансов посмотреть город, людей и попробовать местную кухню. Все знают об этом, но никто об этом не говорит вслух. Никто, кроме одного человека, научившегося говорить в три года.

⁶ Кубок конструкторов – награда команде, заработавшей наибольшее количество зачетных очков за гоночный сезон. – *Прим. ред.*

Ни одного метра

Куала-Лумпур, отель «Сама-Сама», суббота, время – 9:10 утра. Сегодня определится обладатель поула⁷ в завтрашней гонке. Мы выезжаем из отеля в 9:30. Гонщик же спит до последнего.

Я сижу в лобби-баре за чашкой кофе, рядом за соседним столиком шумит троица в кепках – две женщины и мужчина, уже достаточно насладившиеся жизнью и алкоголем. На их красных футболках «Феррари» расплылись темные пятна, видимо, воспоминания о дешевом и вкусном пиве «Тайгер». Им где-то под 50, они общаются хриплыми голосами, и от них за версту разит алкоголем, который не первый день бродит в них. Как выясняется, они австралийцы и прилетели в среду из Сиднея, чтобы посмотреть гонку сквозь кружку пива.

⁷ Поул (поул-позиция, поул-позишн, англ. *pole-position*) – наиболее выгодная стартовая позиция гоночного автомобиля. – Прим. ред.

Пристроились за кортежем министра. В машине с Кими в Куала-Лумпуре. Фото: Кари Хотакайнен

Одна из женщин, та, что с рыжими волосами, спрашивает, не меня ли они бесили прошлым вечером. Я отвечаю, что меня в баре не было, поэтому у них еще есть шансы на это. Мужчина с оспинами на красном лице грубовато интересуется, являюсь ли я фанатом Кими или того британца с сережками в ушах. По его мнению, я выгляжу как фанат Льюиса Хэмилтона. Я говорю, что я гетеросексуал и ни за кого не болею. Женщины смеются, чувствуя облегчение от того, что они бесили не меня.

Мужчина настойчиво спрашивает мое мнение о Кими Райкконене. Я говорю, что толком его не знаю, но уважаю за то, как он играет со смертью. Добавляю, что ни разу не видел гонки Формулы полностью и никогда не интересовался автоспортом. Женщины хотят узнать побольше о моих недостатках, но мужчина не дает им встрять, внимательно глядя мне прямо в глаза. Я чувствую его сканирующий взгляд сразу на своем горле и на ушах. Он спрашивает, откуда я и что делаю в отеле так близко к трассе «Сепанг», раз уж не слежу за Формулой. Я говорю, что я из Финляндии и приехал в обыкновенный отпуск. Троица взбудоражена. Я живу на родине Кими Райкконена! Этот факт поднимает мой статус в их глазах. Они заказывают еще пива, чтобы поднять тост в честь моей страны. Они говорят, перебивая друг друга, делятся своими мнениями о Кими, который для них стал почти членом семьи. Кими – единственный гонщик, который не болтает впустую после гонки. Они знают, что он живет в этом отеле, но им еще не удавалось его увидеть, потому что он приезжает слишком поздно, и, будучи уже хорошенько под мухой, австралийская троика забывает наблюдать за лифтом. Они считают, что им просто необходимо увидеть Кими. Им недостаточно видеть, как он пролетает мимо на скорости в 290 км/ч – так невозможно получить никакого впечатления о человеке. Ну, в этом я с ними согласен.

Мужчина хочет угостить меня чем-нибудь покрепче – в конце концов, именно это финны пьют за завтраком. Я вежливо отказываюсь и благодарю их за приятную беседу. Потом встаю из-за стола. Мужчина желает мне удачи, хотя, по его мнению, она мне и не нужна, ведь мне уже повезло родиться в той же стране, что и Кими.

Всей компании внезапно приспичило сбегать по нужде, и они в цветастых шортах, шаркая шлепанцами, убегают в туалет. Как только троика скрывается из виду, двери лифта открываются и мужчина в красном быстро идет к своей «Мазерати».

Мы едем с ветерком, как обычно превышая скорость, пока не доезжаем до пробки на круговой развязке. Кими бормочет под нос: давайте уже, двигайтесь вперед! Ему не терпится попасть на работу, спрятаться в свой уютный шлем.

Мы приезжаем на трассу. Через три часа определится обладатель воскресного поула. Одна из любимых песен Кими называется *Raalupaikka*⁸, ее он обычно исполняет в караоке. Для хорошего исполнения нужно сначала немного смочить горло, зато потом, после паузы, последняя фраза припева выходит особенно драматично: ...на своей поул-позицииииииии. Эту песню в стиле кантри написал финский рок-музыкант Гектор, а исполнил ее ныне покойный финский эстрадный певец Кари Тапио. Как и многие популярные в караоке хиты, эта композиция отзывается эхом в сердце исполнителя: «Жизнь часто выбивала мне почву из-под ног/ Лихая юность, всемогущество/ Дьявол дал мне ночь, Бог дал мне утро/ Каждый день как маленькая вечность/ Мне хватило бы и меньшего/ Ведь я знаю, как мне повезло/ Я здесь сейчас и, наверно, останусь/ Совсем один/ На своей поул-позиции».

Охотник за поул-позицией уже ушел быстрым шагом, а песня осталась крутиться у меня в голове. Мы с Сами идем в гостевую зону «Феррари». Работники в красном пьют крепкий кофе, возбужденно болтая. Руководитель⁹ команды Маурицио Арривабене, стройный мужчина с седой бородой, курит через девайс с логотипом «Феррари», выдыхая дым в сторону. Это последнее изобретение компании «Филип Моррис» – IQOS. Он нагревает небольшую дозу табака и доставляет никотин курящему без использования бумаги. Одним ядом меньше. Я обращаю внимание, что и у других ВИПов такие же девайсы.

Арривабене – человек с опытом. Он умеет прятать напряжение в себе, как банку компота в подвале, но в его блуждающем взгляде можно почувствовать весь риск автоспорта: если гонщик хорошо выступает, то может отказать двигатель. Если гонщик совершит хоть одну ошибку,

⁸ Поул-позиция (фин.). – Прим. пер.

⁹ По состоянию на начало 2019 года – уже бывший. – Прим. ред.

то он окажется пятым. Если кто-то окажется перед гонщиком в самый важный момент, то будет потеряно полсекунды. А в этом спорте полсекунды – огромный промежуток времени. Ни в каком другом спорте нет таких микроскопических отрывов. В этом спорте все микроскопическое становится массивным.

Арривабене вытаскивает использованный табак из своего IQOS и заталкивает его в пепельницу той же марки. Пепельница тоже выглядит элегантным дизайнерским продуктом и совсем не похожа на обычную воняющую посудину. Арривабене отправляется в гараж пружинящим шагом, надеясь, что сегодня секундомер будет на стороне его гонщиков.

Сами Виса приносит мне чашечку крепкого кофе и третью бутылку воды за день. Он знает Кими вот уже двадцать два года, то есть с 1996-го. Он годится Кими в отцы, что не мешает ему быть менеджером Райкконена¹⁰. Кими всегда с трудом принимал чужие советы, даже когда они были толковыми и к месту. Он всегда шел своим путем, хотя его путь иногда превращался в тропинку, вел его через канавы или в неизведанные чащи. Гонщик остается всегда гонщиком, даже без дороги впереди. Но к Сами Кими прислушивается по одной причине – Сами никогда его не обманывал. И не будет. Это обещание он дал в сауне «Виллы Баттерфляй»¹¹ два года назад, когда они устно договаривались о его новой должности. «Если обманешь, я тебя убью».

Иногда устная договоренность действует намного сильнее, чем листок бумаги. Пересмотрев за свою жизнь слишком много итальянских фильмов о мафиози, я задумался, вписана ли эта угроза в их контракт. В этот момент на террасу поднимается огромный, черный как ночь африканец. Он приветствует Сами низким глубоким голосом. Потом пожимает мне руку, предполагая, что я его знаю. Я скрываю свое незнание, вертя в руках чашку кофе. Мужчина садится и тут же вскакивает со своего стула, чтобы обнять шеф-повара. Они активно общаются и жестикулируют, а Сами успевает рассказать мне следующее: этого мужчину зовут Моко, он известный дизайнер ювелирных изделий из Сенегала, один из основателей и владельцев ювелирной фешенебельной компании «Chrome Hearts»¹². Здесь его знают все, кроме меня. Его компания работала с Мадонной, Ленни Кравицем и другими знаменитостями. У Моко есть пожизненный пропуск на гонки Формулы-1, который он получил от тогдашнего босса «Феррари» Жана Тодта. Сейчас Жан занимает пост президента Международной автомобильной федерации (ФИА)¹³.

Моко возвращается к нашему столику, и, как только узнает о том, что я пишу книгу о Кими, у него загораются глаза. «Слушай сюда, бледный капитан», – начинает он, намереваясь рассказать мне всё. Он начал смотреть Формулу-1 в 1979 году, во времена апартеида. В то время считалось крайне странным, если черный болел за белого гонщика. На родине Моко в Сенегале самыми популярными видами спорта были футбол и регби, но он увлекся Формулой-1. По его мнению, Кими Райкконена можно сравнить с художником, чье искусство говорит само за себя. Прежде чем задать еще несколько вопросов, я внезапно осознаю, что невежливо тарашусь на его цветастый кафтан по колено. Моко замечает это и советует упомянуть в моей книге достижения финской текстильной фирмы «Маримекко». Он купил их ткани и сшил себе уникальную коллекцию одежды.

Он говорит, что начал болеть за Кими, когда тот еще был в «Заубере»¹⁴. «Парень появился из ниоткуда и сразу зажег. Я только смотрел, открыв рот, и болел за него», – вспоминает Моко. Они встретились и познакомились с Кими уже во время его карьеры в «Феррари», как раз на его первой гонке на открытии сезона в Мельбурне. Моко сидел в паддоке

¹⁰ Согласно финско-русской практической транскрипции правильное написание фамилии – Раяккёнен, но чаще все же используется Райкконен. – *Прим. ред.*

¹¹ Villa Butterfly (рус. *Вилла Бабочка*) – название дома Кими в Швейцарии. – *Прим. ред.*

¹² В переводе на русский – «Хромированные сердца». – *Прим. ред.*

¹³ Fédération Internationale de l'Automobile (FIA), франц. – Международная автомобильная федерация. – *Прим. ред.*

¹⁴ «Заубер» (англ. *Sauber*) – команда Формулы-1 из Швейцарии. – *Прим. ред.*

под деревом, когда Кими проходил мимо. Моко поздоровался: «Добрый день, мистер Райкконен, добро пожаловать в “Феррари”». Кими остановился, посмотрел на Моко и с улыбкой поблагодарил. «В тот момент за нами наблюдали фотографы, они рассмеялись и пошутили, что, видимо, достаточно одного африканца, чтобы Кими наконец улыбнулся», – смеется Моко. «В тот день я дал ему приносящий удачу амулет из своей коллекции, и так получилось, что Кими выиграл ту гонку».

«Он как на ладони». Кими никогда ничего не мутит.

Моко прилетел на гонку из Парижа на частном самолете. Затем он отправится в Стокгольм на концерт «Роллинг Стоунз», потому что «парни» из группы пригласили его. Компания, которую он представляет, занимается большой коллекцией одежды и бижутерии с логотипом группы – всем известным языком «роллингов». Сам он, правда, об этом не рассказывает, но я узнаю от других. Когда я спрашиваю об этом его самого, Моко отвечает, что предпочитает не говорить о работе, а просто старается выполнять ее настолько хорошо, чтобы другие говорили о ней.

Моко считает, что Кими скорее не ледяной человек¹⁵, а мудрец¹⁶. Мудрец никогда полностью не рассказывает обо всем, он оставит что-то в себе, сохранит для себя. «Кими напоминает мне таких писателей, как Марсель Пруст и Альбер Камю, которые мало говорили, но давали возможность перу говорить за них». Я не вижу особой параллели между их творчеством и ремеслом Кими, но Моко видит. Он рассказывает, что познакомился с близкими Кими, включая родителей и бабушек.

Моко замолкает, разглядывая толпу. Он считает, что меня ждут серьезные трудности при написании книги, особенно в середине. Я интересуюсь, какого рода трудности, но этот вопрос остается без внятного ответа. В конце нашей беседы он напоминает, что мне обязательно нужно подробно побеседовать с мамой Кими, ведь у человека только одна мама. Я обещаю сделать это.

Мои размышления прерывает знакомый звук метрах в ста от меня. Опять режут кабана. Пора идти на скотобойню. Люди в красном как раз заводят монстра. Кто же быстрее всех проедет круг в 5,5 километров? Начинается свободная практика. Она продлится час, затем будет перерыв и, наконец, главное событие дня – часовая квалификация. Она и определит стартовый порядок на воскресенье.

В шлеме взмыленная голова, а в голове – мозги, которые работают даже на более высоких оборотах, чем двигатель машины. Тысячи повторений упрощают работу гонщика, повороты на трассе становятся чуть менее крутыми, шея привыкает к вибрациям, спинной мозг хранит всю собранную информацию. На данный момент Кими за свою карьеру проехал семьдесят тысяч гоночных километров¹⁷, плюс тренировки, тесты и квалификации. На мой дилетантский взгляд, он наверняка уже привык к близости смерти. Однако Кими говорит, что я преувеличиваю – современные машины достаточно безопасны.

Первый сегмент¹⁸ квалификации выглядит многообещающе, второй – еще более. Небольшая ошибка в конце третьего сегмента стоит Кими поула. Завтра на старте он будет вторым, и шансы на победу довольно высокие. Машина слушается гонщика.

Перед Кими появляются микрофоны, теперь он должен рассказать, что чувствует и чего ждет от завтрашнего дня. Он краснеет и почесывает шею. На этот раз дело не в раздражительности, а в реальной физической боли – он страдает периодически обостряющимся атопическим дерматитом. Репортеры получают краткий комментарий о том, что Кими оптимистично настроен по поводу завтрашней гонки, хотя занос, едва различимый на замедленном повторе,

¹⁵ *Ice man* (англ.) – прозвище Кими. – Прим. пер.

¹⁶ *Wiseman* (англ.). – Прим. пер.

¹⁷ Точное количество по состоянию на начало 2019 года – 76046 км, 294 Гран-при, 15256 кругов. – Прим. ред.

¹⁸ По нынешним правилам квалификация, определяющая стартовый порядок в гонке, проводится в три сессии (сегмента). В каждый последующий сегмент проходят быстрые гонщики (15 во 2-й, 10 в 1-й). – Прим. ред.

стоил ему поула. Он дает только самую необходимую информацию, то есть почти ничего. Когда так мало вербальной информации, приходится читать язык тела. В переводе с этого языка выходит, что машина была довольно послушна и что на ней можно одержать победу. Если не будет неожиданностей. Вот только неожиданности – это как раз то, что чаще всего и происходит в этом виде спорта.

С трассы в отель мы едем в тишине. Завтра гонка. Вот она, причина, по которой мы пролетели десять тысяч километров и оказались здесь. Из-за происходящего в воскресенье Кими прибыл сюда во вторник. Он опускает голову на входе в отель и как можно быстрее направляется к лифту. Сейчас он даже не останавливается, подписывая протянутые кепки прямо на ходу. Восьмой этаж, третья дверь слева. Скорее туда. Душ, ужин. Звонок по Skype в Швейцарию и общение с семьей: Минтту, Робинот и Рианной. Научился ли Робин новым словам?

В лобби-баре тихо. Три австралийца выглядят уставшими. На всю компанию только две пары открытых глаз. Этого хватает, чтобы заметить меня. Они хотят знать, что происходило на трассе, пока они участвовали в своей «гонке по барам». Что ж, рассказываю. В результате открывается и последняя пара глаз. Кими выиграет, они уверены в этом так же, как и в том, что завтра им все-таки удастся выбраться на реальную гонку.

Обмениваюсь еще парой фраз с этой троицей, потерявшей счет времени. На ум приходит то время, когда в желтой прессе с наслаждением писали о попойках Кими Райкконена, преувеличивая количество выпитого в разы. Сейчас за год Кими выпивает столько же, сколько эти фанаты из Австралии вылакали за выходные.

В воскресенье с утра уже жарко и влажно. В тени плюс тридцать шесть градусов, а в гоночном болиде в два раза жарче. Гараж наэлектризован шумом и суетой. Уже на прогревочном круге¹⁹ машина Кими начинает терять мощность – десять парней в красном быстро снимают с нее обтекатель из углеволокна и закапываются в механизм с головой. До старта гонки остаются считанные минуты. Камера крупным планом выхватывает обеспокоенное лицо руководителя команды Маурицио Арривабене. Он пожимает плечами. Машину Кими закатывают в боксы, парни в красном расталкивают людей с пути – времени совсем не осталось. Вернее, оно остановилось. В эти минуты в воздухе витает огромное количество невидимых купюр, и они все будут потеряны, если причина поломки не будет найдена. Ее в итоге находят, но на починку не хватает времени. Кими выбирается из машины и, прямо в шлеме, уходит вглубь гаража.

Место рядом с Льюисом Хэмилтоном на стартовой решетке остается пустым. Впустую проделан путь на другой конец света. Ни одного метра не проехал. А ведь в 2003 году именно на этой трассе Кими выиграл свой первый в карьере Гран-при.

Причина была в шланге турбокомпрессора, но сегодня об этом не объявят – мы узнаем только завтра. Гонщик сделал все возможное, но безрезультатно. И теперь должен оставаться на рабочем месте. Должен смотреть, как другие будут гонять. Должен отвечать, когда журналисты спрашивают, каково это – не проехать ни метра. Должен сидеть на рабочем месте до самого конца, даже не имея возможности сделать свою работу.

Наконец, только когда уже стемнело, мы можем покинуть автодром.

«Мазерати» везет молчаливых мужчин со скоростью улитки по пробкам большого города. Вдруг Кими замечает свой шанс. Перед нами едет кортеж – видимо, с автодрома уезжает какой-то министр из правительства Малайзии. Кортеж из трех машин возглавляют двое полицейских на мотоциклах. Кими пристраивается за этой процессией, движущейся по собственной привилегированной полосе. Полиция вскоре машет нам, показывая, что следовать за ними нельзя. Кими хмыкает и продолжает маневрировать в потоке за кортежем. Оглядываюсь

¹⁹ Согласно регламенту перед стартом гонки пилоты проходят один круг, чтобы прогреть шины до рабочей температуры. – Прим. ред.

на Сами Вису, однако и в этот раз он всем видом показывает, что лучше не вмешиваться – сегодня будет так.

Мы приезжаем в тихий отель. Гонщик, оставшийся без гонки, исчезает в лифте.

Мы с Сами остаемся в лобби, разочарование накрыло и нас, слов не хватает, наша тихая ярость обращена на шланг турбокомпрессора: почему ты не сработал? Неужели в этой семи-миллионной машине ты не стоишь и ста евро?

Этим вечером Кими улетает в Бангкок на спонсорское мероприятие, затем ему предстоит гонка на японской трассе «Сузука», и вся позитивная энергия направлена на нее. Всё так же, как и раньше: ему просто нужно сконцентрироваться на следующем Гран-при и надеяться, что двигатель не подведет. Хотя нет, всё не так, как раньше. Теперь у него есть семья, жена и двое детей. Теперь ему есть, что терять.

Две секунды – это вечность

Город Бар, Швейцария. Дом. Папа лежит на диване с бутылкой воды в левой руке, а в правой – игрушечная машинка сына. Робин играет с машинками на полу. Никакой суеты. До отъезда на последнюю гонку в Абу-Даби еще три дня, и на этот раз поедет вся семья. А затем сезон закончится.

На этом диване Кими – отец, а не гонщик. Он оживленно разговаривает, комментирует болтовню Робина, принимает участие в играх, шутит, смеется, подлавливает сына на озорстве и подыгрывает ему. Тридцативосьмилетний мужчина уже три года как отец, а полгода назад родился его второй ребенок, дочь Рианна. В повседневной жизни теперь больше событий, чем на гонках. На трассе события без конца повторяются, одна гонка похожа на другую. С маленькими детьми все моменты имеют свою уникальность. Завтра всё может поменяться: новое слово появится в словаре Робина, новое выражение появится на личике Рианны. Формула-1 уступает первое место самым близким людям.

Вот сидит Ледяной человек, Iceman. Ни грамма льда в нем нет. Это прозвище придумал Рон Деннис, руководитель команды «Макларен». Это роль, ширма, рабочее имя. С таким прозвищем можно гонять на машине, для этого оно отлично подходит. Но за пределами автомобиля ледяное прозвище начинает таять, а как только Кими переступает порог своего дома, оно окончательно испаряется.

Кими знаменит своей малоразговорчивостью. Молчание изобрели не финны, но они сделали из него несколько успешных продуктов: малоразговорчивость, паузы, предложения из трех слов и полутораминутное молчание. Это такие ловушки для тех, кто не в курсе; для тех, кто пытается понять, что же происходит, когда не происходит ничего. А потом финн продолжает с того же места, будто и не было никакого молчания.

В публичной работе Кими его кричащее молчание вызвано глупыми вопросами. В шумной и говорливой медиасреде молчание – это, наверное, лучший способ привлечь внимание. В случае с Кими его неразговорчивость родилась от застенчивости и незаурядного ума: если вопросы банальны, получишь в ответ пару слов и почесывание шеи.

У Кими Райкконена не было времени привыкнуть к медиасреде Формулы-1. В 2001 году он сразу с головой нырнул в ледяную прорубь: сотни репортеров и телеканалов приехали на первую гонку сезона в Мельбурне, и ему в лицо тут же были направлены десятки микрофонов. В его прошлой жизни, когда он участвовал в серии Формула Рено, были только случайные интервью. А затем всё изменилось в одночасье. Молодой человек, говорящий на ломаном, прерывистом, запинаящемся английском, оказался в трудной ситуации. Свершилось чудо – он попал в Формулу-1, мир, который за год до этого маячил далеко за горизонтом.

У Теему «Форе» Невалайнена, старого друга Кими, есть интересная теория: *«Если бы его путь к славе был длиннее и у него было бы больше времени на подготовку, сейчас это наверняка был бы другой Кими. Уверен, что он был бы гораздо скучнее. Он бы всегда говорил только то, что люди хотят слышать. Сейчас же своими тремя словами он выражает гораздо больше, чем все остальные вместе взятые».*

Кими – не первый финский спортсмен, который игнорирует микрофон или остерегается его. Но он первый, чья неразговорчивость стала международным брендом сама по себе, а не была специально разработана им. Он не развивал этот бренд, а просто однажды понял, что он сам и есть бренд. Самый сильный личностный бренд всегда базируется на правде и поэтому возникает случайно. Самый слабый бренд сфабрикован, обезличен, выучен назубок. Кими – это натуральный продукт, появившийся из ледяной воды и уходящий корнями туда, откуда он появился на свет – в Кархусуо, Эспоо.

Я нажимаю на красную кнопку диктофона, теперь он готов к записи разговора. Кими бросает взгляд на девайс, но не позволяет себе смутиться, или я этого просто не замечаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.